

МИШКИНА РАДОСТЬ

Мишка так любил свою радость, что отчаянно грустил, когда она уходила, и вся жизнь вокруг него тогда тоже грустила: солнце тускнело, люди хмурились, и даже птицы терленькали минорно. Вот и сейчас, глядя сквозь оконное стекло на то, как скорбно свесил ветки тополь, с незапамятных времён росший посреди школьного двора, Мишка думал: не прогони его Ирина Петровна с урока, радость бы от него сегодня не сбежала. А выгонять его было ну совершенно не за что!

С самого утра всё было замечательно. Ночью Мишке снились космические сны, а после них, как известно, просыпаться легко, вот Мишка и вскочил по первому маминому зову. Быстро и активно, как настоящий космонавт, сделал зарядку, умылся и даже кашу съел без разговоров. По пути в школу он улыбался прохожим и обходил стороной лужи; может быть, поэтому и не опоздал, за что Ирина Петровна его похвалила.

Такое замечательное утро не могло, конечно, обойтись без чудес! Когда солнечный зайчик вскочил прямо на раскрытую тетрадку по математике, Мишка сориентировался мгновенно и прихлопнул его обеими ладошками. Звук при этом, правда, получился слишком громкий, не звук даже, а грохот, но что поделаешь, нельзя же было упустить редкий шанс поймать

настоящий солнечный блик. Ирина Петровна уже стояла рядом, постукивала кончиком указки по парте и делала Мишке замечание, а Мишка радостно улыбался ей в ответ и правой рукой прижимал тёплый карман пиджака, в который успел спрятать свою добычу.

Когда Ирина Петровна повернулась к классу спиной, чтобы написать на доске условие задачи, откуда-то сбоку на парту вполз муравей, большой, с длинными усами. Мишка прижался щекой к парте и улыбнулся муравью, который подполз так близко, что уткнулся кончиками усов в Мишкины веснушки. Мишка решил проявить гостеприимство и угостить муравья конфетой. Эх, Ирина Петровна повернулась к классу лицом именно тогда, когда Мишка, откусив половину «Каракума», вторую половину подсовывал насекомому. Мало того, что муравей улетел, не солоно хлебавши, скинутый с парты рукой раздражённой учительницы, так ещё и Мишка без конфеты остался — Ирина Петровна безжалостно её отобрала.

На перемене Мишка со своим другом Ванькой Лентягиным решили поиграть в пиратов. Решение, может быть, и было не к месту, но кто в состоянии остановить приключение, если оно уже началось?! Вода из-под крана, как только оказалась на полу, сразу стала морской — солёной и буйной, и в её штормовой свистопляске свистели и плясали с саблями наголо два рыцаря морских пучин. Ванька проиграл быстро, потому что его саблей была деревянная линейка, а Мишкиной — железная. Когда восемь сантиметров Ванькиной сабли отломались, он сдался, а Мишка станцевал танец победителя на палубе своего корабля, то есть на столе учительницы. Ирине Петровне, видимо, танец не понравился, хотя Мишка был уверен, что танцует он здорово. Обоих пиратских капитанов тут же разжаловали в матросы и, вручив им тряпки, заставили драить палубу.

На следующем уроке писали диктант. Мишка старательно выводил слова, ставил знаки препинания. Когда он дописывал заключительное предложение,

оказалось, что последнее слово на странице не помещается. Мишка перевернул тетрадный лист, посмотрел на аккуратно пропечатанные полоски, не испорченные чернилами, и так вдруг ему стало жалко этой чистоты! Мишка перелистнул страницу обратно, примерился к последней исписанной строчке и вывел рядом с ней, на парте, сильно нажимая на ручку, слово «красота», которым заканчивался диктант.

Ему бы ещё с первого урока понять, что Ирина Петровна сегодня не в духе, но нет, не понял, не заметил. И вот результат этой невнимательности: в дневнике красуется запись о «безобразном поведении», с урока выгнали, и радость ушла.

Мишка, конечно же, грустил. Тоскливо без радости. Даже бутерброд с любимой докторской колбасой настроения не поднимал, поэтому и остался, надкусанный, в Мишкиной руке даже тогда, когда Мишка вышел из школы и пошёл по жёлтой аллее в сторону дома. И всё вокруг было грустное-грустное: грустные листья изредка слетали с веток, деревянная некрашеная скамья грустила оттого, что грустные люди проходили мимо неё, а всегда шумные и весёлые воробьи вообще куда-то исчезли.

Навстречу Мишке, низко опустив голову и собирая повисшим хвостом, как граблями, опавшую листву, трусила рыжая дворняга. В её коричневых глазах он, когда собака остановилась рядом, вдруг разглядел такую всепоглощающую тоску, что собственная его грусть обострилась до невозможности, и Мишка заплакал. Хлюпая носом и утирая рукавом сбегающие по щекам слёзы, Мишка почувствовал, как холодный собачий нос ткнулся в его правую руку. Дворняга, ухватив зубами недоеденный им бутерброд, смотрела на Мишку жалостливо и просяще. Мишка разомкнул пальцы, и тогда — о да! — Мишкина радость озорно подмигнула ему собачьим глазом!

Она вернулась, и всё вокруг засияло, защebetало, тут же сладко запахло солнцем — это солнечный зайчик, до сих пор дремавший в кармане, выскочил,

блеснул, заставив Мишку зажмуриться, и вспрыгнул на солнечный луч, протянувшийся к нему с неба. Слезы высохли, а Мишка заулыбался и подумал: как же замечательно, что она у него есть — смеющаяся радость, с которой так легко преодолевать любые невзгоды.

СУГРОБ

Весна, придя в Сибирь, робеет. Может быть, там, в краях, где зимой вместо снега идёт дождь, она является громко, звонко, выставляя напоказ безудержный, весёлый свой характер, но здесь — не так: не шумно, но осторожно переступая по снегу озябшими ножками, она пробирается в глубь замёрзшей земли, освобождает её от холода, прилагая неимоверные усилия. Осторожничают весна неспроста! У зимы нрав колючий, караулит по углам, науськивает на теплолюбивую соперницу снегопады, льдины ей под ноги расстиляет и с метелями-гонцами весть передаёт: «Не пуцу-у-у!» Вечное противостояние...

И ведь обе знают закон Мироздания: временам года друг за другом идти должно в установленном раз и навсегда порядке, и каждому времени своё время на царствие отведено. Знают и закону тому следуют неукоснительно. А всё остальное — игра, выдуманная ими для самоутверждения.

В тот год весне пришлось потрудиться значительно больше, чем обычно: зима оставила за собой снежные завалы, растопить которые оказалось делом долгим и изнурительным, несмотря на помощь солнца. Потом, как обычно, украсить землю цветами и травами, деревьям помочь в листву одеться, дожди проконтролировать, чтобы меру знали. Так прошёл март, потом апрель. За важными повседневными делами и заботами проглядела весна неслыханное самоуправство: в одном небольшом городке, притаившись меж домами, понурый, оплывший, но по-прежнему большой, стоял, вопреки всем законам и извечному порядку, снежный сугроб.

Этот сугроб родился в самые первые зимние дни. Один человеческий детёныш — маленький, пухленький, закутанный шарфом по самые глаза, — умудрился снять варежки и прежде, чем это заметила то ли нянька, то ли мамка, набрал полные ладони лёгкого, пушистого, уже не тающего снега, что накануне просыпался из серой громадной тучи. Детёныш смял снежинки, склеил их своим теплом друг с другом, и когда нянька-мамка с воплем:

— Заболеть хочешь?! — стряхнула их с маленьких ладошек, они так и упали на землю — вместе, комочком.

Комочек прирос к ещё не совсем остывшей земле, на него всю зиму падал снег, и к концу зимы это был уже большущий сугроб — высокий, островерхий, красивый, хрупкий на первый взгляд, но на самом деле сильный, выросший на крепко спаянном корне.

Детство было отрадным и казалось бесконечным. Метели наметали на него новые снега, поднимали и поднимали верхушку, пока сугроб не стал выше всех своих собратьев, а зимнее солнце, весьма остуженное морозами, грело чуть, зато светило вовсю, и в его волшебном свете сугроб блестел так, что у мимо проходящих людей слепило глаза. Это было единственное, что омрачало беззаботные мысли сугроба, — невнимание. Если бы он умел говорить, то воскликнул бы: «Ну взгляните же на меня! Я так красив и гармоничен! Созерцайте, люди, созерцайте!» Но, к сожалению или к счастью, даром слова сугроб не обладал.

Впрочем, сия проблема мучила его недолго. Он повзрослел, поумнел, детские черты — нетерпеливость, восторженность и, что уж там, глуповатость — сменились одной, но всепоглощающей — любознательностью. Трудно познавать окружающий мир, оставаясь на месте, но сугроб стал внимательно слушать и пристально наблюдать. А однажды какой-то нерадивый первоклассник обронил рядом с ним книгу; подруга вьюга-позёмка несколько дней терпеливо листала страницы, кое-что подсказывала (её кругозор

значительно шире, она ведь повсюду летает), и вот уже сугроб сам прочёл название на обложке: «Букварь». Потом вьюга часто приносила для сугроба обрывки газет, красочные журналы и даже книжные страницы — всё это он внимательно и вдумчиво прочитывал. Нельзя сказать, что таким образом сугроб сделался образованным, но кое-что в этой жизни стал понимать...

Разумное существо не может не мечтать. Разум, если он есть, всегда стремится познать до сих пор неизведанное, представляет, каким это неизведанное может быть, и верит, что однажды увидит, услышит, почувствует и поймёт, верны ли были его представления. Мечтательность особенно свойственна юности, вот и сугроб обрёл в своё время идею-фикс — ему нестерпимо захотелось увидеть лето. Почему именно лето? Почему не весну или, скажем осень? Почему, в конце концов, он не возмечтал увидеть море?! Кто ж их разберёт, эти мечты...

Заболел сугроб своей мечтой. Думать стал много, искать возможность не растаять, похудел даже, скукожился. Верная подруга вьюга заперевживала, спросила совета у метели, а та лишь посмеялась. Вьюга друга расстраивать не стала, но сказала однажды:

— Пора настала снега размётывать — весна близко. Я не знаю, возможно ли то, о чём ты мечтаешь; единственное, что я могу для тебя сделать, — не размётывать тебя. И никому не позволю это сделать. Прощай, друг, мечтай, друг! Мечтай за нас обоих!

Сугроб ей ответил:

— Спасибо! — и прослезился.

Но потом спохватился: не слёзы это были, а капельки, в которые превратились некоторые его снежинки под нагревающимся солнцем.

Ему повезло, что весна его не сразу заметила. А когда донесли, рассказали — пожалела. Сугроб предстал перед ней совсем больным, с сединой на макушке, с чёрными коростами пористого льда по всему телу. Но

всё ещё большим, хоть и не с кем уже было равняться статью. Весна присела напротив.

— Стоишь?

— Да-а,— говорил сугроб тяжело, одышливо.

— Почему стоишь? — спросила весна с пробуждающимся любопытством.

— Жду... лето... — проскрипел и вздохнул устало.

— Растоплю я тебя.

Весна погладила сугроб по волнистому боку — бок потёк тонким грязным ручейком. Сугроб вздрогнул и заскулил. Весна отдернула руку и отодвинулась подальше.

— Зачем тебе лето?

— Хочу увидеть... какое... оно...

— Жаркое. Ты не выдержишь. Тебе и сейчас вон как плохо.

— Увидеть... просто... Ты куда?

— Ухожу. Жди своё лето. Прощай.

Может быть, у весны тоже была кажущаяся несбыточной мечта? Весь май она сторонилась сугроба, иногда даже просила ветерки подуть на него прохладой, собранной на вершинах сопок. Сугроб же неукоснительно таял, но держался, из каких только сил — непонятно.

Разбитное лето приняло эстафету времени, принеслось на крыльях жар-птицы, раскидало разноцветные краски по земле. Охнул сугроб, поплыл, не выдерживая солнечного терпкого жара. Когда лето его заметило, было уже поздно. Но оно, ни разу не видевшее сугробов, успело спросить:

— Ты кто?!

Сугроб ответил тихо-тихо:

— Не знаю. А ты... ты — красивое...

И умер счастливым.